

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ И ФОРМАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Карпов Игорь Юрьевич

Адъюнкт, Санкт-Петербургский военный институт
войск национальной гвардии России
igor40ru@mail.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE PRINCIPLES AND FORMS OF STATE COERCION

I. Karpov

Summary. the article deals with the principles and forms of state coercion related to the changing needs of citizens and the state of society in the modern world. The author comes to the conclusion that the use of measures of state coercion is possible only on the basis of legal regulation, in accordance with the law, which is one of the main differences between state coercion and violence. The question of the grounds for the use of certain forms of state coercion raises the problem of the limits of its application. In this regard, there should be appropriate legal safeguards to prevent the transfer of forms of coercion into violence.

Keywords: legal responsibility, state coercion, kind of coercion, warning,.

Аннотация. статья посвящена вопросу принципов и форм государственного принуждения, связанных с меняющимися в современном мире потребностями граждан и состоянием социума. Автор приходит к выводу, что применение мер государственного принуждения возможно только на основании правовой регламентации, в соответствии с законом, что является одним из основных отличий государственного принуждения от насилия. Вопрос оснований применения отдельных форм государственного принуждения затрагивает проблему границ его применения. В этой связи должны существовать соответствующие правовые гарантии, предупреждающие переход форм принуждения в насилие.

Ключевые слова: государственное принуждение, виды принуждения, правовая ответственность.

Государственное принуждение, как правовое явление, присущее системе права, в современной науке дифференцировано по своим проявлениям, связанным с разными критериальными особенностями, как пишет И. В. Борискова [2, с. 134]. Государственное принуждение, будучи по своей сущности единым, при классификации именуется «формой», «видом», «способом» и «мерой» принуждения, реализуемой государством.

Проблема деления государственного принуждения решена, и в общей теории права меры принуждения разделены на группы согласно «правовой формы» принуждения, где форма принуждения становится классификационной единицей мер принуждения.

Ряд авторов выделяет признаки форм принуждения, представленные в виде схемы на рис. 1.

Схема показывает, что в форме государственного принуждения субъект, реализующий право (уполномоченный применять право) связан с субъектом применения посредством оснований, порядка и особенности правореализации, которая возникает, как следствие причинно-следственной связи правонарушения и меры принуждения, которая соотнобразуется с целью принуждения.

Различность форм государственного обуславливается целью применения, а именно предупреждением,

которое можно отнести к убеждению, как форме (см. далее), пресечение противоправного деяния, восстановление в правах, наказание, как возложение юридической ответственности, процессуальное обеспечение исполнения правопринуждения [2; 11; 10].

Правовое регулирование в части принуждения приводит к тому, что формы принуждения различаются по основаниям, вариантам поведения субъекта правопринуждения, нормативному закреплению и кругу лиц, к которому принуждение может быть применено. По мнению ряда авторов, государственное принуждение действует в диапазоне мер от убеждения до насилия, в случаях ответа на террор, что создает сложности установления принципиальных общих характеристик, свойственных всему диапазону, кроме принципа единоначалия (монополии) государства в области принуждения. [1; 4; 12]

Формы государственного принуждения, таким образом, связаны с основными принципами, которые, будучи обусловлены коренным признаком, государственной монополией на принуждение, равенство перед законом и судом для всех и каждого, презумпцией невиновности, гуманизмом, индивидуальностью и соразмерностью однократного наказания, правом частного лица на возмещение вреда, причиненного государством, как действиями или бездействием органов государства и долж-

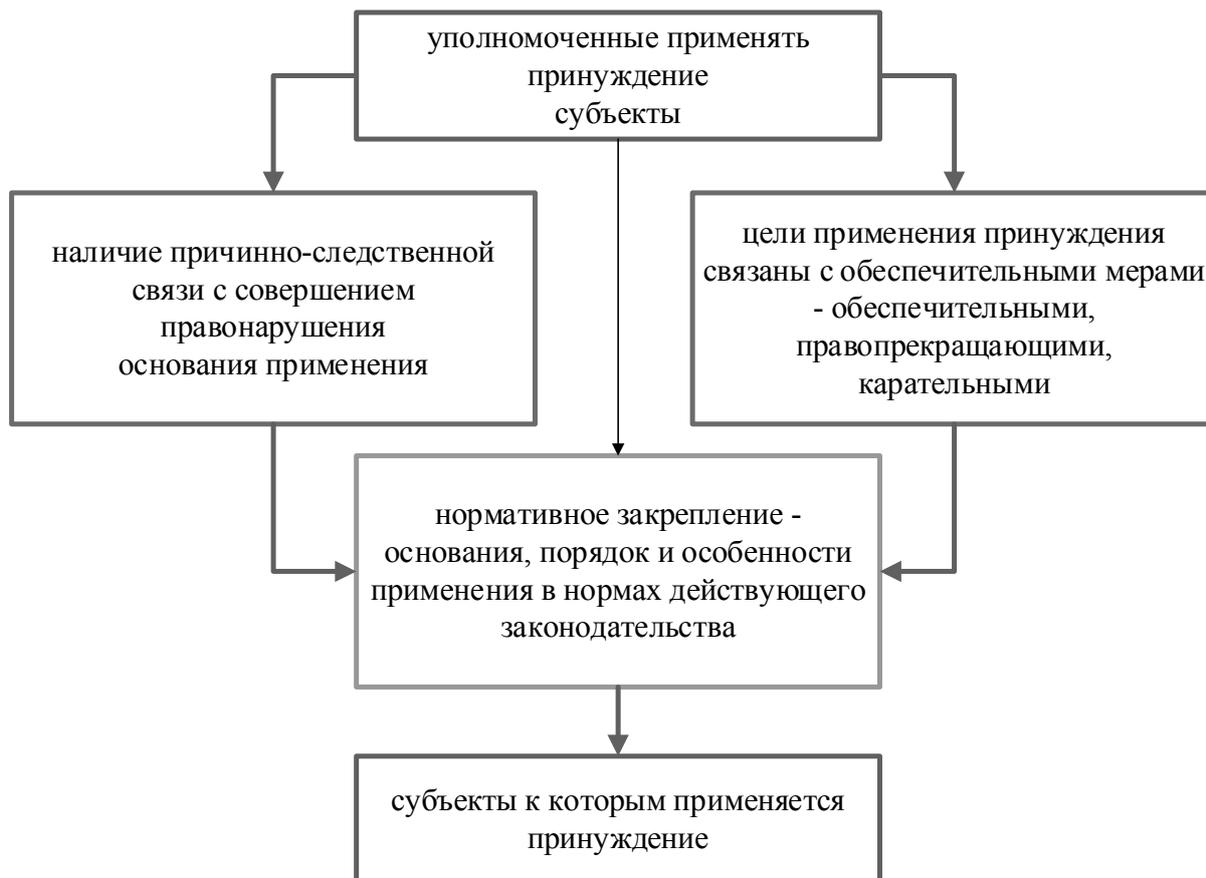

Рис. 1. Взаимосвязь признаков форм государственного принуждения [сост. авт. согл. 1; 2; 11]

ностных лиц, представляющих государственные органы, реализуются и обуславливаются законодательно только при полном сочетании всех принципов и их взаимодействии (см. схему ниже).

А.Ю. Анненков, анализируя философские и правовые основы понятия государственного принуждения показывает, что принуждение, исходящее от государства, всегда выступает как средство социального воздействия, жесткое по природе и отличающееся остротой, потому что базируется принуждение на легально применяемой организованной силе, и исходит от легитимной государственности. Но государство, не проявляя действий, бездействуя, создает зону правореализационного риска, в которой гражданин или юридическое лицо, действуя в условиях неопределенности, реализует свои права в области, которая может быть не определена законодательно. Например, Е. А. Коваль, анализируя проблематику ненормативной мотивации, указывает на то, что рост количества законодательных норм ведет к росту правонарушений, в которых нормы не действуют или область которых нормы не охватывают. Здесь, по мнению автора, возникает ситуация этического террора, обусловленного информатизацией общества. Принцип, по которому

лицо имеет право на компенсацию вреда, который возник от бездействия государства, не может быть задействован в области, в которой государство не приступило к действиям, в которой регламентации правомерного и противоправного поведения нет. [7, с. 271–273]

Разделяя этический террор на автономный (ведущий жертву к депрессии, суициду, в целом к снижению качества жизни) и гетерономный (ведущий к смене морали, отмене или преломлению нормативных моральных обязанностей) автор указывает, что такое нарушение прав личности существует на бытовом уровне и не имеет государственного обеспечения прав, потому что речь не идет об унижении достоинства, насилии в общепринятом понимании, хотя результатом становится, как уже было сказано, резкое снижение качества жизни, социальная пассивность, неспособность к отстаиванию своих прав и интересов.

Этический терроризм, как понимает его Е. А. Коваль, и с чем стоит согласиться, сочетает в себе умысел на навязывание личности или группе лиц таких норм и правил морали, ценностей и правил поведения, которые ведут как к суицидальному поведению, так и к утрате здоровых

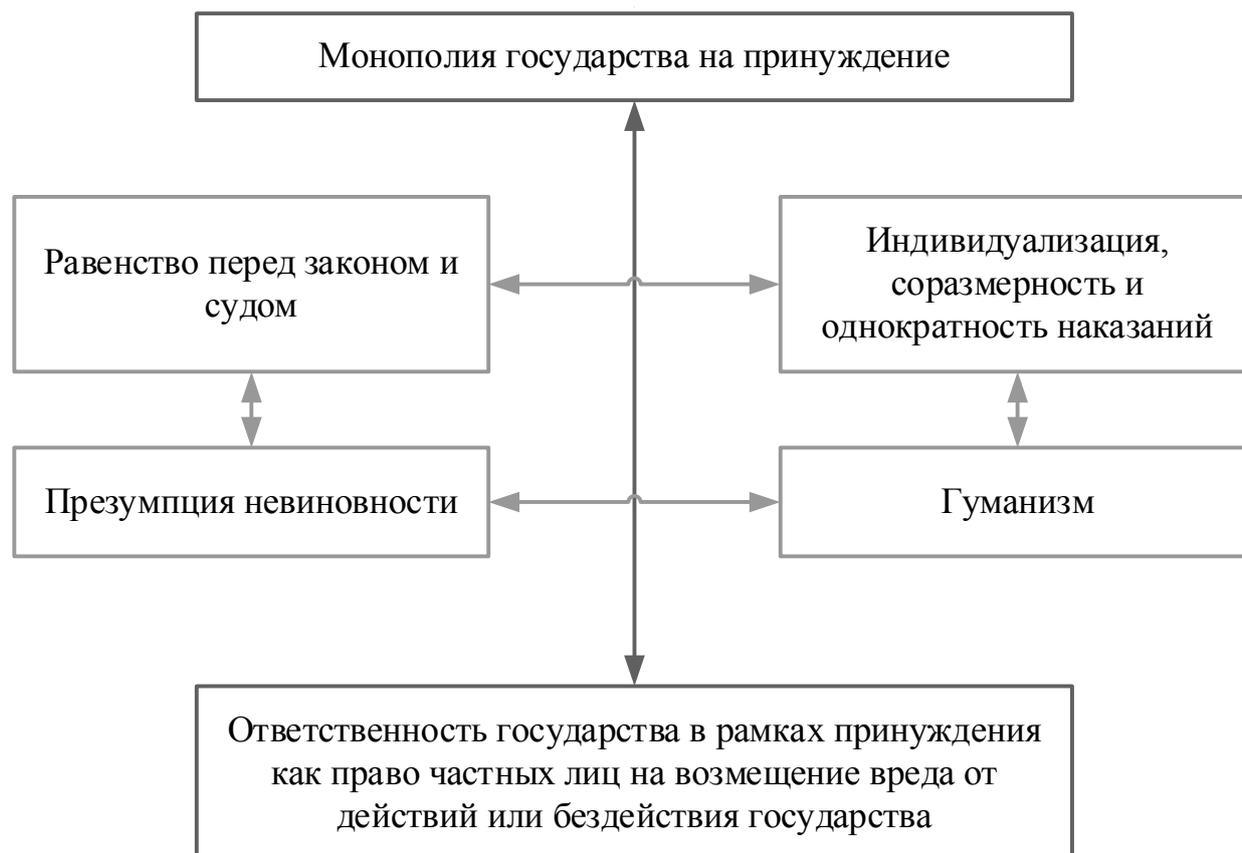

Рис. 2. Взаимосвязь принципов государственного принуждения между собой [сост. авт. согл. 2; 6; 9; 10; 11; 12]

духовно-нравственных ценностей, имморализации человека или группы лиц. Как описывает автор, процесс имморализации происходит, как возвеличивание «правильной» ценности при уничтожении ценности «неправильной». Возникает и реализуется правопритязание на установление норм морали, причем, данное явление в современном мире, переоценивающим традиционные ценности, становится все более тотально, как пишет в своем исследовании Е. Д. Гончаров.[5, с. 286–287]

Так же Е. Д. Гончаров, развивая мысль преобразования отношений в обществе и изменении систем ценностей, указывает на то, что противопоставление индивидуализма и альтруизма, как систем ценностей, при возникновении дисбаланса приведет к росту насилия. Возникает ситуация, в которой государство должно либо противостоять дисбалансу ценностных систем путем нормативной регуляции и выработки внешнего механизма защиты одной из систем ценностей, либо отказаться от регуляции, что в итоге все равно неминуемо приведет к изменению законодательства.

А. А. Васечко и К. С. Щелоков, анализируя государственное принуждение с точки зрения вероятности насилия или произвола подчеркивают, что двойственность

власти заключается как в ее свойстве быть результатом принуждения одного другим, но может быть и результатом согласия большинства. Противоречивость единства отношений власти обеспечивается легитимностью, потому что власть является средством сохранения общественных отношений. [4, с. 9–11]

Принуждение, выступая, как категория, выражающая необходимую составную часть организованного в государство социума в области морали не может быть реализовано на основе принципов, регламентирующих отношения групп социума, ценности которых лежат вне правовой регламентации. Отношение к смерти, то есть вопросы эвтаназии, отношение к гедонистическому риску, то есть вопросы, например, экстремального туризма или родов на дому, отношения полов, то есть вопросы отношения к ЛГБТ-сообществу, отношения в рамках столкновения религиозных и атеистических систем моральных ценностей — все эти отношения могут вести к возникновению принуждения в рамках социальных, а не государственно-правовых отношений. Отношения насилия внутри сект или молодежных группировок, этический террор в отношении одноклассников в школе, где одни моральные ценности противостоят другим, порой и аморальным или имморальным — весь пере-

численный ряд нуждается в уточнении и согласовании форм государственного принуждения.

Например, анализируя современные меры государственного воздействия в сфере кибербуллизма, доведения до самоубийства в организованных интернет-сообществах К. А. Краснова и Д. И. Ережипалиев указывают, что современные средства предупреждения суицидального поведения несовершеннолетних не могут быть реализованы государством потому, что формулировки ряда статей УК РФ (например, ст. 110 и ст. 151 УК РФ) не соответствуют той ситуации, которая сложилась в силу возникновения кибербуллизма в 2016 году. [8, с. 82] Аналогично А. М. Бычкова и Э. Л. Раднаева указывают на несостоятельность формулировок ст. 110 УК РФ, и необходимость перенесения данной статьи «в раздел IX УК РФ («Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»), в главу «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», после ст. 239 под номером 239.1». [3, с. 112]

Возникает ситуация, когда государство не может реализовать принуждение потому, что нет достаточного времени для трансформации закона в соответствии с уровнем имморализации, который не находится в равновесии с уровнем нравственности в социуме. Безусловно, являясь родовой категорией относительно форм проявления «государственное принуждение» имеет отраслевые разновидности, такие, как административное, финансовое и прочие виды принуждения, государственное принуждение не образует достаточно мер воздействия в отрасли морали (см. рис. 2), так как гуманизм и реализация

презюпции невинности являются принципиальными основами мер принуждения. Но в части ответственности государства за бездействие самого государства возникает, как в приведенном примере, проблема времени для установления нормативных основ воздействия.

Если принуждение — это система установленных нормами права мер воздействия, то, как пишет, например, В. В. Серегина, при анализе государственно-необходимых превентивных или профилактических мер воздействия необходимо внесение изменений в диспозитивную часть, чтобы реализовать характер санкций там, где возникает необходимость реализовать виды государственного принуждения «к обязанным объектам помимо их воли». [9, с. 188]

Тогда, если в основу отнесения государственных мер принуждения к санкциям может быть положен интеллектуально-волевой смысл, что позволит выстраивать превентивные меры государственного принуждения в области нравственной опасности уже в период ее вероятного возникновения.

Подводя итог рассмотрения вопросов, касающихся принципов и форм государственного принуждения, можно обобщить, что современное общество, попадая в ранее не обжитую сферу свободы и информационной доступности, изнутри, исподволь меняет систему права, ставя перед ней вопросы, требующие применения мер государственного принуждения в тех формах, которые получают или приобретут в ближайшем будущем иное содержание в силу расширения круга проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков А. Ю. Государственно-правовое принуждение: философско-правовые основы понимания // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-pravovoe-prinuzhdenie-filosofsko-pravovye-osnovy-ponimaniya> (дата обращения: 21.12.2018)
2. Борискова И. В. Краткая характеристика мер государственного принуждения // Территория науки. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkaya-harakteristika-mer-gosudarstvennogo-prinuzhdeniya> (дата обращения: 21.12.2018).
3. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dovedenie-do-samoubiystva-posredstvom-ispolzovaniya-internet-tehnologiy-sotsialno-psihologicheskie-kriminologicheskie-i-ugolovno> (дата обращения: 22.12.2018).
4. Васечко А. А., Щелоков К. С. От насилия к легализованному произволу: философско-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-nasilija-k-legalizovannomu-proizvolu-filosofsko-pravovoy-analiz> (дата обращения: 21.12.2018)
5. Гончаров Е. Д. Антитеза морали и имморализма в контексте аксиосферы культуры // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiteza-morali-i-immoralizma-v-kontekste-aksiosfery-kultury> (дата обращения: 22.12.2018).
6. Евдокимов В. В. Институт принуждения в контексте формирования государственно-правового режима: теоретико-методологическое измерение // ЮП. 2013. № 6 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-prinuzhdeniya-v-kontekste-formirovaniya-gosudarstvenno-pravovogo-rezhima-teoretiko-metodologicheskoe-izmerenie> (дата обращения: 21.12.2018).
7. Коваль Е. А. Ненормативная мотивация // ИСОМ. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nenormativnaya-motivatsiya> (дата обращения: 22.12.2018).
8. Краснова К. А., Ережипалиев Д. И. Противодействие кибербуллизму как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // ЮП. 2017. № 3 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-kiberbullitsidu-kak-sredstvo-preduprezhdeniya-suitsidov-nesovershennoletnih> (дата обращения: 22.12.2018)

9. Серегина В. В. Проблема исследования структуры государственного принуждения в отечественной правовой науке // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-issledovaniya-struktury-gosudarstvennogo-prinuzhdeniya-v-otechestvennoy-pravovoy-nauke-1> (дата обращения: 21.12.2018).
10. Чашников В. А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-pravovoe-prinuzhdenie-obscheteoreticheskie-voprosy> (дата обращения: 21.12.2018).
11. Чашников В. А. Содержание и признаки государственно-правового принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-priznaki-gosudarstvenno-pravovogo-prinuzhdeniya> (дата обращения: 21.12.2018).
12. Чашников В. А., Фалькина Т. Ю. О соотношении понятий «Принуждение» и «Насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-prinuzhdenie-i-nasilie> (дата обращения: 21.12.2018).

© Карпов Игорь Юрьевич (igor40ru@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии России